стой, то есть человѣкъ не признающій никакихъ заоблачныхъ мечтаній и трезво оцѣнивающій конкретную дѣйствительность и ея возможности, и старающійся только извлечь изъ этой дѣйствительности максимальныя выгоды для Италіи.

Такъ и въ договорахъ съ Сербіей Муссолини вполнѣ правильно оцѣнилъ создавшееся положеніе: Сербіи нуженъ выходъ къ морю, нуженъ портъ Барсъ — во имя его она готова будетъ отказаться отъ менѣе нужнаго ей Фіумы. Ей нужна итальянская индустрія и итальянскій капиталъ, въ то время какъ Италія съ ея вновь народившейся и уже переживающей чрезвычайно тяжелый кризисъ промышленностью нуженъ сербскій рынокъ. Вести войну съ Сербіей было бы для Италіи не только при данныхъ условіяхъ очень трудно, но и совершенно безцѣльно, какъ безцѣльно въ концѣ концовъ и отрѣзать Сербію отъ Адріатическаго моря и лишать ее такимъ образомъ главной возможности товарообмѣна, съ Италіей, можетъ быть для Италіи даже еще болѣе нужнаго чѣмъ для самой Сербіи. Почему же въ такомъ случаѣ не договориться полюбовно вмѣсто того чтобы бряцать порчугу оружіемъ? ...

Тѣ же самыя чисто практическія соображенія толкнули Италію и въ объятія большевиковъ, съ тою только разницей, что въ данномъ случаѣ разсчетъ практичныхъ итальянцевъ можетъ гораздо легче оказаться ошибочнымъ. Внутри Италіи большевизмъ теперь не страшенъ — на то существуетъ помимо всего прочаго еще и національная фашистская милиція. Съ другой стороны Италіи нуженъ русскій хлѣбъ, русскій уголь, русская нефть, русская шерсть — и русскій рынокъ для вывоза продуктовъ итальянской промышленности. Какое дѣло при этомъ Италіи, что тамъ дѣлается внутри Россіи — только бы въ самой Италіи дѣло не дошло до большевизма. Возможно, что изъ всего этого ничего не выйдетъ, или выйдетъ, да только очень не скоро. Все равно, почему не попробовать? Правда, большевики ставятъ условіемъ свое оффиціальное признаніе — за то обѣщаютъ и рядъ концессій. Да кромѣ того, почему и не признать ихъ? Остается еще только одинъ больной вопросъ: какъ быть съ тѣми итальянцами которые такъ или иначе потеряли свое имущество въ Россіи, и которыхъ большевики наотрѣзъ отказываются вознаградить за потери. Вопросъ трудный, но все же не рѣшающій. Какъ нибудь договоримся и на этотъ счетъ, а пока — заключимъ поскорѣе открывающее, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, такія широкія перспективы итальянскому капиталу и итальянской промышленности, итало-русское соглашеніе.

Соглашеніе съ большевиками уже подписано. Конечно, далеко не всѣ довольны въ Италіи этимъ соглашеніемъ, какъ многіе недовольны и слишкомъ по ихъ мнѣнію уступчивымъ соглашеніемъ съ Юго-Славіей. Эти непримиримые пуританефашисты стараго закала видятъ и въ томъ, и въ другомъ соглашеніи измѣну фашистскимъ принципамъ. Съ другой стороны многіе критикуютъ итало-русское соглашеніе и съ чисто практической стороны: они считаютъ, что въ Россіи экономическая жизнь до такой степени разрушена, что пройдутъ еще годы, а можетъ быть и десятилѣтія прежде чѣмъ Италія получитъ отъ Россіи, чтобы то ни было. А будутъ ли тогда существовать большевики? И стоитъ ли въ погонѣ за столь призрачной выгодой связываться съ такими подозрительными и ненадежными людьми, какъ эти большевики?

Но Муссолини и вождь фашистскаго движенія рѣшили, что стоитъ! И такимъ образомъ воинствующій націонализмъ оказывается на практикѣ въ высшей степени миролюбивымъ и спокойнымъ.

И фашистское движеніе, съ ликторскимъ пучкомъ и Римскимъ Орломъ на своемъ знамени, оказывается прежде всего движеніемъ чисто итальянскимъ съ подчиненіемъ всякаго идеализма, даже націоналистическаго, чисто практическимъ цѣлямъ экономической политики. Въ этомъ смыслѣ оно дѣйствительно глубоко національно, потому что совершенно отражаетъ основной характеръ итальянскаго народа и страны. Несмотря на всѣ свои военные парады Италія ни на кого нападать сама не будетъ. Только въ случаѣ нападенія на нее фашистское правительство проявитъ больше энергіи и рѣшительности чѣмъ какое бы то ни было другое.

Л. В.

Скандалъ въ берлинскомъ Торгпредствѣ.

Скандалъ, о которомъ мы уже сообщали, разростается. Выступивъ отчетъ о своей дѣятельности, Торгпредство не ограничилось тѣмъ, чтобы расхвалить свою дѣятельность. Желая какъ можно ярче оттѣнить свои заслуги, Торгпредство не задумалось дискредитировать дѣятельность другихъ хозяйственныхъ органовъ въ Берлинѣ. Само собой понятно, что сидящіе въ этихъ хозяйственныхъ органахъ коммунисты подняли рѣшительный протестъ. Они уличаютъ внѣшторговцевъ въ томъ, что тѣ оперируютъ дутыми цифрами, которыя сами же своими ловкими руками публикуютъ.

Теперь со всѣхъ сторонъ злополучный отчетъ рвутъ на части и требуютъ полной его переочатки. Кромѣ того, кровно обиженными оказались и коммунисты. Въ отчетѣ подсчитано сколько и на какихъ должностяхъ имѣется во Внѣшторгѣ коммунистовъ; между прочимъ тамъ указано, что въ одинъ изъ отдѣловъ вынуждены были взять хорошихъ коммунистовъ, но плохихъ спецовъ и, что потому дѣло плохо налаживается.

Наконецъ, предъявили претензію также и германскіе коммунисты, которые требуютъ, чтобы объ нихъ рѣшительно ничего въ отчетѣ не упоминалось.

Словомъ — двадцать два несчастья, въ которыхъ особо страшную роль играетъ рабоче-крестьянская инспекція. **Иксъ.**

Печать.

Оффиціальный органъ «Извѣстія» восхищается пресловутымъ наркомздравомъ Семашко. Поводомъ къ этому служитъ обращенное къ нему письмо проститутки.

Отъ лица «многихъ» она обратилась съ жалобой на то, что послѣ созданія центральнаго совѣта по борьбѣ съ проституціей положеніе проститутокъ ухудшилось и она проситъ оставить проститутокъ въ покоѣ, потому что онѣ не грабятъ и не воруютъ.

Вотъ на это письмо наркомздравъ Семашко отвѣтилъ обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ поясняетъ, что

мы знаемъ, что борьба съ проституціей косвенно бьетъ и по проституткѣ, отражаясь на размѣрахъ ея заработка,

Чтобы этого не было «Извѣстія» разъясняютъ, что

сама проститутка не подлежитъ никакой отвѣтственности, почему недопустимы ни облавы на проститутокъ, ни стѣсненія ихъ въ принадлежащихъ имъ общегражданскихъ правахъ, какъ то, посѣщеніе кафе, увеселительныхъ мѣстъ, проживаніе въ томъ или другомъ домѣ и т. д.

Кто же послѣ этого станетъ упрекать совѣтскихъ властителей въ стѣсненіи гражданскихъ свободъ. И неудивительно, что «Извѣстія» восхищаются гоніемъ Гарунъ аль Рашидомъ.

Ну, въ какой странѣ кромѣ совѣтской Россіи мыслимо такое близкое общеніе (!) лица занимающаго высшій постъ въ государствѣ съ населеніемъ... съ представительницами тѣхъ изъ «многихъ».

*

Къ сожалѣнію въ томъ же номерѣ «Извѣстій» приводятся и благодѣтельные результаты этого близкаго общенія. Въ телеграммѣ изъ Смоленска сообщается о совѣщаніи, которое

констатировало значительный ростъ заболѣваній сифилисомъ въ губерніи за послѣдніе годы. Особенно широко развивается сифилисъ въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Самое страшное въ тѣхъ итогахъ, которое совѣщаніе отмѣчаетъ, это то, что

самый большой процентъ сифилитиковъ даютъ дѣти въ возрастѣ отъ 1—14 лѣтъ.

Таковы блестящіе результаты совѣтской борьбы съ проституціей.

*

За то вотъ другой образецъ процвѣтанія гражданскихъ свободъ. Въ «Правдѣ» напечатана телеграмма изъ Ростова, которая сообщаетъ:

Въ день похоронъ Ленина въ одномъ изъ домовъ Ростова состоялась попойка, въ которой приняли участіе 25 человѣкъ, большинство студенты и служащіе хозяйственныхъ органовъ.

Участники исключаются изъ университета, увольняются со службы, надъ ними учреждается общественный судъ. За то пьяницы почтили Ленина:

Харьковскіе торговцы въ траурные дни всѣми силами старались формально не отдѣлять себя отъ трудящихся и даже отправили въ Москву делегацію для возложенія вѣнка на гробъ тов. Ленина.

Конечно, пьяницы имѣютъ больше основаній быть благодарными Ленину, нежели студенты.

*

Но везетъ коммунистамъ въ прославленіи революціи. Газеты сообщаютъ о появленіи новой революціонной фильмы «Мадамъ Дюбарри», по поводу которой мы читаемъ:

Французская революція въ такомъ толкованіи и изображеніи вызываетъ лишь недоумѣніе и картина можетъ имѣть не революціонное, а лишь контръ-революціонное значеніе.

Что за притча въ самомъ дѣлѣ, что тѣмъ усерднѣе коммунисты стремятся прославить революцію тѣмъ контръ-революціоннѣе оказываются ихъ усилія.

*

Г. Керенскій недоволенъ сообщеніемъ нашего корреспондента объ его докладѣ. объясняется это тѣмъ, что онъ не перестаетъ рядиться въ чужія перья.

Можно не соглашаться съ докладчикомъ, можно его не любить и ненавидѣть, но затѣмъ же писать неправду.

Любить или ненавидѣть — такая дилема стоитъ по отношенію къ крупнымъ людямъ, а по отношенію къ людямъ случайнымъ, какъ Галонъ, Хрусталевъ и Керенскій имѣются другія чувства.

Неправду г. Керенскій усмотрѣлъ въ томъ, что

«Руль» писалъ объ уходѣ публики (во время доклада) и біеніи кулакомъ въ руль, и топаніи ногой по паркету

Со времени выпуска г. Керенскимъ его книги о дѣлѣ Корнилова единодушно была установлена крайняя его непоминтентность въ вопросахъ правды и неправды.

Письмо въ редакцію.

Въ московской «Правдѣ» напечатано злостное сообщеніе о моей «смертельной» болѣзни.

Позвольте заявить, ради близкихъ мнѣ лицъ, что я, слава Богу, совершенно здоровъ. **Ив. Бунинъ.**

На радѣніи...

(Письмо изъ Праги.)

Два дня, въ Прагѣ, въ прокаженномъ Смотзиовомъ залѣ двѣ тысячи русскихъ людей, невольныхъ заграничныхъ жителей, нашедшихъ пріютъ въ Чехословакіи, слушали отъ 6 до 10.30 часовъ вечера сначала А. Ф. Керенскаго, а затѣмъ 13 выступавшихъ послѣ него ораторовъ. Слушали, волновались, злобствовали, рукоплескали, кричали, пока не разошлись душевно измочаленные, съ нехорошимъ, осадкомъ въ сознаніи, что они творили дѣло недолжное.

Открылъ это радѣніе А. Ф. Керенскій. Для чего онъ это сдѣлалъ? Когда политическій дѣятель, не такъ давно руководившій судьбами государства, устраиваетъ торжественное собраніе и произноситъ 4-хъ часовую рѣчь, неизбѣженъ и законенъ вопросъ: чего ради это сдѣлано? Въ послѣднія пять минутъ своей рѣчи, когда отъ воспоминаній о прошломъ А. Ф. Керенскій вернулся къ настоящему, онъ пытался дать отвѣтъ. Мы — видите ли, — плохо знаемъ свою исторію, живемъ легендами о ней, и поэтому онъ желаетъ познакомить молодежь съ правдой о недавнемъ прошломъ главнѣйшимъ дѣятелемъ котораго онъ былъ самъ. Близятся времена и сроки, когда молодежь получитъ возможность вернуться на родину и тамъ работать. Пусть она, зная правду, честно идетъ своимъ путемъ, а намъ уже будетъ безразлично, что бы о насъ ни говорили, какихъ бы собакъ на насъ ни вѣшали. И во имя этого въ теченіе болѣе трехъ съ половиной часовъ человѣкъ только и дѣлалъ, что оправдывался, стараясь снять съ себя «собакъ» и... перевѣсить ихъ на другихъ своихъ ближнихъ.

Тѣнь ген. Корнилова до сихъ поръ вполнѣ не даетъ спать А. Ф. Керенскому. Это тѣнь него, что Духъ Банко для Макбета. Передъ собраніемъ русской молодежи, изъ которой иные имѣли честь служить подъ знаменами ген. Корнилова, бывшій глава Вр. Правительства часами доказывалъ, что не онъ виноватъ въ его гибели, а виноваты Милюковъ и ген. Алексѣевъ, виноваты какіе-то банкиры, и цензовая общественность, и союзъ офицеровъ въ ставкѣ. Въ заключительномъ словѣ А. Ф. Керенскій неодержанно называлъ «ложью» и «вздоромъ» замѣчаніе, что вся его рѣчь была сплошнымъ самооправданіемъ и апологетикой...

Но русскія слова имѣютъ все-таки свой опредѣленный смыслъ. То, что онъ хотѣлъ бы выдать за простой «урокъ исторіи», всѣ присутствующіе воспринимали какъ сплошное самооправданіе и иначе воспринимать не могли. Когда онъ исторически кричалъ, или сѣвшно шагалъ по эстрадѣ большими шагами, стараясь блеснуть военной выправкой, слушатели чувствовали, что прошлое, «керенщина» и ген. Корниловъ, душатъ его...

Зачѣмъ же онъ устроилъ это представленіе? Онъ хотѣлъ сказать молодежи чистую правду о недавнемъ прошломъ... Нѣтъ, онъ избралъ худшій видъ лжи. Онъ говорилъ полу-правду. Если бы онъ рѣшился, наконецъ, дѣйствительно преодолѣть и свое самолюбованіе и партійныя тактическія условности — и, придя, открыто и чистосердечно сказать правду: Вотъ что было, и вотъ въ чемъ я былъ неправъ, вотъ что я дѣлалъ не такъ, какъ слѣдовало и такъ, какъ не слѣдовало! Судите меня, какъ вамъ угодно, но учитесь на моихъ ошибкахъ и, когда будете участвовать въ строительствѣ родины, не повторяйте ихъ! Если бы онъ пріѣхалъ въ Прагу и сказалъ такую рѣчь, русское сердце отходчиво и благородно: ему бы простили — повинную голову мечъ не сѣчетъ. Но нѣтъ. Онъ пріѣхалъ поучать и обвинять другихъ. Ни одного конкретнаго указанія на какую-либо свою ошибку онъ не сдѣлалъ, ни на одну. А вотъ Гучковъ и ген. Поливановъ — авторы всѣхъ революціонныхъ законовъ объ арміи, которые онъ долженъ былъ постепенно отмѣнять. А вотъ Энгельгардтъ издалъ приказъ, худшій чѣмъ совѣтскій приказъ № 1, а вотъ Маклаковъ предупреждалъ ген. Корнилова, что его политическіе друзья провоцируютъ генерала и предадутъ его и т. д. и т. д. Типичная защитительная рѣчь адвоката, стремящагося обѣлить своего кліента, инсинуируя на другихъ... Свои грѣхи А. Ф. Керенскій призналъ только въ самой общей формѣ: мы всѣ были музыканты, не умѣющіе играть на скрипкѣ. Сейчасъ же слѣдовало и самооправданіе: Научиться можно было только на практикѣ, но къ ней старый режимъ насъ не допускалъ. Однако, какъ только мы взяли власть, мы стали учиться и учились очень успѣшно. Русскія дѣла повсемѣстно, въ томъ числѣ и на фронтѣ, изо день ото дня лучше и лучше. Россія выздоравливала, когда выступленіе ген. Корнилова, личнаго чистаго патріота съ самыми высокими цѣлями, ставшаго орудіемъ въ чужихъ рукахъ, все сервало и погубило страну. Послѣ ген. Корнилова естественно пришли большевики и разрушили до основанія возстанавливавшееся зданіе Россіи. Такова партійная эсъ-эровская легенда, которую А. Ф. Керенскій пытался выдать за чистую правду. Правды въ ней только то, что ген. Корнилова окружали подозрительныя лица. Зато ложь, что отъ іюня до сентября Россія выздоравливала и оправлялась. Пользуясь попустительствомъ, большевики, тогда еще не успѣвшіе какъ слѣдуетъ сплотиться и доступные относительно легкой ликвидаціи, продолжали свою тлетворную работу. Для сколько-нибудь разумныхъ людей и тогда, въ іюлѣ и въ августѣ, было ясно, что на путяхъ соціалистическаго углубленія революціи (а вѣдь имъ же занимались с-ры и с-д-ки) гибель была неизбѣжна. Правда — и тутъ я съ г. Керенскимъ согласенъ — надъ страной нависала трагедія; народъ отказывался воевать. Объ это, вѣроятно, разбились бы всѣ усилія возстановить Россію. Но не попыткой же побудить народъ воевать, посуливъ ему соціалистическій рай на землѣ, можно было серьезно надѣяться спасти государство! Ложью было и указаніе Керенскаго на завѣдомо мятежный характеръ попытки ген. Корнилова. Генералъ имѣлъ всѣ основанія добросовѣстно предполагать, что и Савинковъ, и Керенскій пойдутъ съ нимъ, только, терроризованные соціалистическими совѣтами, они боятся и колеблются. Да и въ своемъ теперешнемъ самооправданіи, у г. Керенскаго вырвалась характерная фраза, что безсиліе «правой общественности», яко бы вывинувшей генерала, только усугубляетъ ея вину. Выходитъ, что если бы у нея, какъ у большевиковъ, силъ оказалось достаточно, то бѣ винѣ, пожалуй, не пришлось бы и говорить. А если такъ, то вина А. Ф. Керенскаго, и всѣхъ насъ, кадетовъ, въ первую голову, что мы гонялись за коалиціей съ соціалистами вмѣсто того, чтобы умножить силы «правой общественности» и ген. Корнилова. Вѣдь это была единственная серьезная попытка выйти изъ тупика. Внѣ ея продстояла сдача на милость арміямъ Людендорфа или большевикамъ, что до извѣстной степени было равнозначущимъ.

Таковъ одинъ примѣръ полуправды, преподносимой А. Ф. Керенскимъ. Укажу еще на одинъ. Онъ справедливо указывалъ на органическую враждебность стараго режима всякому объединенію общественныхъ силъ даже во время войны, когда повсюду въ Европѣ установился соціальный миръ. Онъ сослался и на примѣръ «Прогрессивнаго блока». Онъ позабылъ только прибавить, что и самъ онъ велъ ожесточеннѣйшую агитацію противъ «Прогрессивнаго блока» и какъ разъ противъ той его работы, которая пыталась у насъ въ Россіи установить соціальный миръ, предупредить и задержать революцію... Такихъ полу-правдъ было безъ числа.